

В современном охотничьем языке еще сохранились термины „дорыщ“, „отрыщ“, т. е. поймай, возьми и оставь, отойди. Так приказывают гончим или борзым собакам, когда хотят, чтобы они взяли зверя или остановились, перестали давить свою добычу. Термин „нарыск“ обозначает след лисицы.

К охотничьей терминологии должно быть отнесено выражение „след править“: „Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣлкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому“. „След править“ значит передвигаться друг за другом, след в след. Так бежит семья, иногда стая волков, ступая след в след (так ходили когда-то индейцы).

„Гнездо“ в смысле выводок, семья, пять раз упомянутое в Слове, также относится к охотничьим терминам. Еще в наше время его употребляю, когда говорят „гнездо“ волков. В обыденной речи значение этого термина сузилось и свелось к понятию о птичьем гнезде или логове зверя. Но в художественной литературе есть такое же метафорическое применение, как в Слове: „птенцы гнезда Петрова“ (ср. „Ольгово гнездо“).

Сокол в Слове не ловит добычу, как выразился бы современный писатель — не охотник, а бьет — „избивает“ ее: Игорь „полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужиѣ“. Это вполне соответствует повадке сокола: он с такой стремительностью нападает на преследуемую им птицу, что ударом вытянутых вперед лап, вооруженных длинными когтями, наносит смертельные раны, часто убивает ее с одного удара. Иная повадка у ястреба. В Слове ястреб не упоминается. Но в рассказе о походе Игоря в Ипатьевской летописи, где описывается его пребывание в плену, читаем: „где хоцетъ, ту и ездяшетъ и ястребом ловяшетъ“ — ястреб не бьет, а ловит свою добычу.

„Лебеди распужени“ соответствует современному — „дичь распугана“.

Соколов „опуташа в путины желѣзны“, „соколца опутаевѣ“ — читаем в Слове, в соответствии с современным охотничьим „путы“, которые надевали ловчим птицам на ноги (позднее путы называли ногавками).

Внимательный наблюдатель природы, автор Слова с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными — зверьями и птицами. Лебедь у него „пояше“ или, будучи вспугнутым, „крычит“; соловей „ущекотал“, его пение — „щекот“; орлы „клектом зовут“, дятлы „тектотом“ „путы кажут“; вороны „граяхуть“; галки „говоряхуть“, их крик — „говор“; зегзица — „кычетъ“; сороки „троскоташа“; кони „ржутъ“; степные зверьки, байбаки и суслики, издают „свист“; „лисицы „брешут“; туры „рыкают“. Этой точностью Слово напоминает украинские думы и песни, где лебедь „співає“ или „ячить“, возуля „кує“, вороны „крячуть“ или „грають“, сокол „квілить“, „поквиляє“, кречет „куркує“, чайка (пигалица) „кигикає“.

„Зооморфологический орнамент“ в Слове, как и вообще все картины природы, имеет не только символическое или метафорическое значение. Природа в Слове реально существует, и естественно-исторические